

22. Хайдеггер М. Бытие и время: Статьи и выступления / Сост., перевод, вступ. ст. и коммент. В. В. Бибихина. / М. Хайдеггер – М., 1993. – 447 с.
23. Цивунин В. Боязнь высоты: поэзия и опыт (Геннадий Русаков: “Разговоры с Богом”) / В. Цивунин // Арион. – 2003. – №1. – С. 37-47.
24. Шестов Л. Дерзновения и покорности / Л. Шестов // Наше наследие. – 1988. – №5. – С. 81-90.
25. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне) / Вступ. ст. Ч. Милоша. Подготовка текста и примечания А. В. Ахутина. / Л. Шестов – М.: Прогресс-Гнозис, 1992. – 304 с.
26. Шестов Л. Сочинения в двух томах. / Л. Шестов – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – 559с.
27. Шнейдер В. Там, где Фонтанка впадает в Лету. Том первый./ В. Шнейдер – СПб, 2003. – 319 с.

Summary. The article is devoted to consideration of artistic specificity of existential direction of spiritual searches in modern poetry of 20th century. The subject of textual analysis are the images of Abraham, Isaac, and Job in their original or inverted semantics as value guidelines of existential experience. Constant existential categories of Choice, Will, Loneliness, Death and their artistic realization in authors' strategies are investigated.

Key words: religious and poetical consciousness, existential categories, idiosyncrasies, tradition, cultural memory.

УДК 821.161.1 – 94.09 – 055.2

О. Л. Калашникова

АГИОГРАФИЯ ИЛИ РОМАН: У ИСТОКОВ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ

Аналіз “Своеручных записок” монахині Нектарії (кн. Наталії Долгорукої) дозволяє автору статті зробити висновок, що «жіноча» мемуарна література паралельно з жанром роману, що зароджувався, визначила своєрідність шляхів розвитку російської прози у XVIII сторіччі.

Ключові слова: жіноча мемуаристика, автодокумент, автобіографічні мемуари, житійна література, дискурс, гендер.

“Пушкин обосновывал <...> мысль о схожести восприятия мира женщинами, сохранившими естественные вкусы, и поэтами. Таким образом, антитеза “мужского взгляда” и “женского” у Пушкина заменяется противопоставлением исторического и вечного. Так называемый “женский взгляд” становится реализацией вечно человеческого”.

(Ю. М. Лотман)

“Я бы хотела поговорить с вами о России, которая меня сильно поразила во время моего короткого путешествия, ничто из того, что о ней говорили, а в особенности писали, не дает о ней представления”.

(Ж. де Сталь. Письмо С.С. Уварову от 2 мая 1813 г.)

История русской женской мемуаристики, начавшаяся в 18 веке, мало изучена и практически не известна читателю. Подобная ситуация “отсутствия в присутствии” обусловлена не только тем, что многие из этих текстов не публиковались долгое время и успели уйти из читательского круга чтения, но и тем, что в науке пока не сложилось системного подхода, методологии анализа этой “промежуточной литературы” (Л.Я. Гинзбург) [2], находящейся на границе двух сфер:

беллетристики и документа, с одной стороны, и “мужского” и “женского письма”, с другой. Противники легитимации этого маргинального явления сохраняют снисходительно-пренебрежительное отношение к автобиографии, усматривая в ней, подобно Филиппу Лежену, “жанр плебса, женщин, малолеток... *низкий жанр*” [5, 113]. Анализ малоизвестных мемуарных текстов позволяет понять типологические признаки женского постижения и описания былого, и пересмотреть многие этнические и жанровые стереотипы.

“Своеручные записки Натальи Борисовны Долгорукой” по праву считают первыми русскими женскими мемуарами, хотя им и предшествовали малоизвестные краткие записки о визите жены Якова Шестакова, управляющего дворцовым селом Дединовым, Шестаковой Анастасии Филатовны, к императрице Анне Иоанновне 17 июня 1738 г. Несколько листков, где Шестакова описала свои впечатления от встречи с императрицей, были найдены в бумагах ее мужа Дворцовой Следственной Комиссией еще в 1740 году, но опубликованы только через 134 года после описываемых событий, в 1872 г. Эти записки скорее фиксируют сиюминутное впечатление, чем являются мемуарами в полном смысле слова, хотя интересны как свидетельство о дворцовом быте той поры, позволяющее понять ту призму, которую избрала в своих автобиографических мемуарах (действительно, первых женских в русской литературе) Наталья Борисовна Долгорукая, рассказывая о своем времени и о себе.

“Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой” (1767 г.) изначально не были предназначены для публикации, а были написаны для семьи и относятся к так называемым “домашним” текстам, в комплекс которых традиционно включают письма, воспоминания, альбомы, дневники, записки как часть русской бытовой салонной культуры второй половины XVIII – первой половины XIX в. Только почти через 50 лет, в 1810 г., внук Натальи Борисовны, Иван Михайлович Долгоруков, унаследовавший от бабушки литературный дар и страсть фиксировать события своей жизни, оставивший нам “Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни”, напечатал полный текст “Своеручных записок” в журнале “Друг юношества” (Кн.1. – С. 8–69) с предисловием М.И. Невзорова и послесловием известного масона И.В. Лопухина, хорошо знавшего Долгорукую. Обширные выдержки из записок вышли в 1819 г. в сборнике биографий “Плутарх для прекрасного пола”. И лишь по прошествии ста лет, в 1867 г., когда и описанные события, и все их участники стали частью далекой истории, более полный текст мемуаров Долгорукой появился в №1 “Русского архива” (1, 1–53), а отдельные издания произведения увидели свет в 1889, 1912, 1913 гг. Именно публикация в “Русском архиве” положила начало формированию жанрового стереотипа, связавшего записки Н. Долгорукой с житийной традицией в русской литературе [1, 1–2].

Имплицитный адресат и цель написания мемуаров обозначены в первых же фразах записок Н.Б. Долгорукой, обращенных к сыну Михаилу Ивановичу и его жене, Анне Николаевне: “Как скоро вы от меня поехали... пришло мне на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себе оставила на память журнал, *что мне случилось в жизни моей достойно памяти* и каким средством я жизнь проводила... Сколько можно, буду стараться, чтоб привести на память *все то, что случилось мне в жизни моей*” [4, 42] (здесь и далее курсив мой. – О.К.). Личностная интонация “душевной исповеди”, как определила записки Г.Н. Моисеева [8, 10], во многом обозначает ту точку зрения на время и на себя, с которой будут описаны события жизни Долгорукой.

Автор не входила в политические круги, но, принадлежа к двум именитым российским дворянским родам, Шереметьевых и Долгоруких, оказалась причастной к альковным тайнам русского престола. Единое целое с записками составляют те события эпохи, в контексте которых сложилась жизнь Н.Б. Долгорукой. Дочь первого русского фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева, сподвижника Петра I, участника подписания “Вечного мира” с Речью Посполитой в 1686 г., переговоров России с Турцией, германским императором, Папой Римским, дожем Венеции, магистром Мальтийского ордена, и Анны Петровны Нарышкиной, урожденной Салтыковой, Наталья Борисовна самим фактом своего рождения в такой семье не могла не оказаться в эпицентре политической жизни своего времени. Судьба Натальи Борисовны, действительно была тесно связана с борьбой за русский престол, развернувшейся в России после смерти Петра I. Пышное обручение с одним из самых влиятельных людей своего времени, любимцем царствующего императора Петра II Иваном Алексеевичем Долгоруким, скоропостижная смерть юного императора от оспы накануне венчания с сестрой Ивана Долгорукова Екатериной, подтолкнувшая Долгоруких к составлению подложного духовного завещания императора, по которому престол якобы завещался нареченной невесте Екатерине Долгорукой, последовавшие за тем разоблачение заговорщиков и возведение на российский трон племянницы Петра I Анны Иоанновны, ссылка всего семейства Долгоруких, а потом и казнь братьев и самого Ивана Алексеевича, – вот та политическая канва, по которой была “вышита” частная судьба Натальи Борисовны, не отрекшейся от своего опального жениха, повенчавшейся с ним уже после разоблачения подлога и отправившейся в ссылку со всей семьей мужа.

Описываемые в записках события отделены от времени их написания 30 годами, наполненными еще более значимыми для Натальи Долгорукой как частного человека событиями. Это и жизнь в ссылке без права переписки с родными и близкими; и рождение в неволе двух сыновей, один из которых был тяжело болен; и жестокая казнь мужа; и возвращение в столицу после 10 лет изгнания; и принятие монашеского чина; и ранняя смерть младшего сына. Каждое из этих событий достойно отдельной истории. И хотя результатом столь многотрудной жизни стало принятие Натальей монашества (свои записки она писала в Киево-Флоровском девичьем монастыре, инокиней которого стала в сентябре 1758), записки вряд ли могут рассматриваться как религиозный дискурс, связанный только с житийной традицией в русской литературе. Как житийное повествование набожной русской женщины-великомученицы восприняли записки не только русские писатели: С.Н. Глинка (“Образец любви и верности супружеской, или Бедствия и добродетели Н.Б. Долгоруковой, дочери фельдмаршала Б.П.Шереметьева и супруги князя И.А. Долгорукова” (1815 г.), К. Рылеев, посвятивший Наталье Борисовне одну из “Дум”, Н. Некрасов (“Русские женщины”), И.И. Козлов (“Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова”), но и французский писатель, попавший в Россию в 1800 г., Ксавье де Местр, создавший под влиянием “Записок” повесть *La Jeune Sibérienne* (1815 г.). А с легкой руки П.И. Бартенева, кратко прокомментировавшего первое издание записок, эта трактовка мемуаров Долгорукой стала расхожей (работы Е. Гречаной, Т. Савченковой, И. Савкиной, О. Мамаевой и др.). Однако ни политический, ни религиозный ракурсы не являются определяющими в записках.

Что же, по мнению самой мемуаристки, в ее жизни “*достойно памяти*”, что хочет она рассказать *о себе* для других, когда заверяет, что будет стараться, “чтоб привести на память *все то, что случилось мне в жизни моей*”? [4, 42]

Казалось бы, сама родословная, да и автобиографическая форма повествования позволяли мемуаристке поставить себя в центр истории, однако эта повествовательная стратегия чужда Долгорукой. Автор “Своеручных записок” действительно рассказывает о себе, но не о себе в истории, а о себе в судьбе. Может быть, поэтому сама история: точные даты, имена действительных участников событий, как и центральное историческое событие, определившее трагическую судьбу Натальи, ставшей Долгорукой и тем обрекшей себя на изгнание – составление подложного завещания Долгорукими, – отсутствуют в автодокументе Натальи Борисовны. Точно датированы только вехи личной судьбы влюбленной юной девушки: “Это мое благополучие и веселие долго ль продолжалось? Не более как от декабря 24 дня по генваря 18 день <...>: за двадцать шесть дней благополучных, или сказать радостных, сорок лет по сей день стражду; за каждый день по два года придет без малого, еще шесть дней надобно вычесть...” [4, 45]. Даже смерть юного Государя для нее – “начало *моей* беды, чего я никогда не ожидала!” [4, 46].

Время, эпоха врываются в исповедь о себе не в конкретике реалий политической жизни, а скорее в описании проявлений российских ментальных знаков: “Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают”; “...мне казалось, что не можно без суда человека обвинить и подвергнуть гневны или отнять честь или имение; однако после уже узнала, что при несчастливом случае и правда не помогает” [4, 46]; “Все спрятались, и ближние отдалече меня сташа, все меня оставили в угодность новым фаворитам” [4, 47]; “У нас такое время, когда к несчастью, то нет уже никакого оправдания, не лучше турков; когда б прислали петлю, должны б удавиться” [4, 52].

Записки Долгорукой – это не хроникально-политические воспоминания (хотя вполне могли бы быть таковыми), а исповедь *о своей* жизни. Вот почему даже в описании похорон Петра II главный акцент сделан на том, в каком печальном состоянии видит Наталья своего жениха, и что тело юного императора несут “против *моих* окон”; а церемония торжественного въезда в Москву новой императрицы описана из окон “одной отхожей комнаты” в которой сидела Наталья [4, 48–49]. В этом сюжете время и политические перипетии – лишь причина главных событий – переживаний самой героини: “подумайте, каково *мне* тогда было, будучи в 16 лет?” [4, 50]; “Подумайте, каково *мне* тогда было видеть: все плачут, суетятся, собираются” [4, 52]; “Подумайте, что *я* тогда была, упала на стул, а как опомнилась, увидела полны хоромы солдат” [4, 56]; “Подумайте, каковы *мне* эти вести; первое – лишилась дому своего и всех родных своих оставила...” [4, 57]; “Не можно всего страдания *моего* описать и бед, сколько я их перенесла” [4, 65].

Несколько портретов политических деятелей, наброски к которым появляются в записках, скорее являются психологическими, характеристическими, отражая не впечатление от внешности исторических персонажей, а личное отношение к ним мемуаристки, и становятся способом моделирования читательского восприятия. Так, Анна Иоанновна “престрашного была взору, отвратное лицо имела; так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста” [4, 48]. Любопытно, что этот явно не беспристрастный взгляд на внешность императрицы совпадает и с образом Анны Иоанновны на официальных портретах, которые по

определению должны были быть комплементарными (см., например, *Портрет императрицы Анны Иоанновны* кисти Луи Каравакка).

Луи Каравакк. Портрет императрицы Анны Иоанновны 1730 г.

Косвенное свидетельство того, что императрица была действительно толста, находим и в записях Шестаковой, воспроизводящей свой диалог с императрицей: “Изволила про свое величество спросить: “Стара я стала, Филатовна?”, а я в ответ: “Никак, матушка, ни капельки старинки в вашем величестве нет!”. “Какова же я толщиной? С Авдотью Ивановну?” И я сказала: “Нельзя, матушка, сравнить ваше величество с нею: она вдвое толще...” Только изволила сказать: “Вот, вот, видишь ли!” [12, 524]. Про фаворита императрицы Бирона читаем: “был самый подлый человек, а дошел до такого великого градуса, ...только родной короны недоставало! Уже все в руку целовали, и что хотел, то делал: уже титуловали его ваше высочество; а он не что иное был, как башмачник: на дядю моего сапоги шил” [4, 49]. А вот портрет умершего Петра II, любимцем которого был жених Натальи Борисовны, представляет собой типичный классицистический трафарет, состоящий из обычного набора черт в описании Государя (а не конкретной личности, ставшей государем): “Ум сопряжен был с мужественною красотою; природное милосердие, любовь к подданным нелицемерная” [4, 48].

Отказываясь от описания политических событий и государственных деятелей, с которыми свела ее судьба, Наталья Борисовна не столько намекает на запретный характер такой информации (ведь семье, которой и адресованы записки, все имена и события хорошо известны), сколько подчеркивает, что в ее записках является главным: “...я буду молчать, чтоб не прейти пределов; я намерена только *свою беду* писать, а не чужие пороки обличать” [4, 50]. “Внутреннее молчание”, риторика несказуемого, стоицизм и самоотречение призваны сфокусировать внимание тех, кому адресованы записки, на том, *что достойно памяти* в жизни мемуаристки. Посему Наталья Борисовна посвятила политической жизни своего времени только 4 страницы своего автодокумента, остальные же 16 отданы событиям ее частной жизни. Здесь политическая биография мемуаристки тонет в стихии эмпирического бытия, когда “быт” сгущен до символа: символа рока (данные об имущественных отношениях между родителями и детьми, о том, как Наталья с мужем остались без шуб и драгоценностей, как молодых помещали в самые плохие помещения в дороге, как лишили слуг, как безразлично относились к юной жене родственники мужа и т.д.). Здесь немало тонких психологических наблюдений над человеческой природой вообще, над поведением людей в экстремальных обстоятельствах (преданность гувернантки-иностранки мадам Марии Штрауден, отдавшей Наталье все свои сбережения, чтобы та могла

добраться до далекой Сибири, и рабская сущность душонки сопровождавшего Долгоруких надзирателя, унижавшего еще недавно могущественных дворян, но не брезговавшего принимать их подачки).

Идентификация себя как личности для Натальи немислима без и вне любви. Понимая свою частную судьбу не как следствие политических событий, к которым оказалась причастной, а как архетипическую судьбу женщины, верной жены, влюбленной в мужа, автор истолковывает свою жизнь как роман, где именно любовь оказывается в фокусе картины мира и эпохи. И поскольку волею судеб главный любовный сюжет в жизни Натальи Шереметьевой-Долгорукой развертывался не в богатых палатах, где она жила до венчания, а по дороге в ссылку, ибо за двадцатью шестью днями между помолвкой и смертью юного императора, когда влюбленные готовились к свадьбе, последовала безрадостная свадьба, на которую не пришли даже близкие невесты, а потом трудный путь в ссылку, именно этот путь и занимает основное место в повествовании. Именно тогда и развертывается “роман” Натальи и ее мужа.

В самих художественных средствах описания жизни Н.Б. Долгорукова идет от хроникализации к романизации повествования, при этом сохраняя дневниковую тональность доверительной исповеди для “своих”. Не случайно ключевыми сюжетными ситуациями становятся сюжетные ходы, типичные для любовно-авантюрного романа: это эпизод с лошадью, когда муж Натальи едва не утонул; обязательные в романе разбойники, буря. Возраст героев повествования тоже типичный для романа: Наталье 16 лет, а ее муж пятью годами старше.

Спрессовывая время *всей своей жизни* в несколько месяцев пути в ссылку, Наталья крайне эгоцентрична в самом восприятии времени. Оно в записках скорее психологическое, чем историческое, фиксирующее последовательную смену событий. Подлинным временем мемуаров становится время внутренних переживаний героини, субъективное время. Поэтому такое большое внимание уделяется фиксации эмоций мемуаристки, и столь мало сказано о событиях, их вызвавших. Можно ли рассказать обо всех мучениях, выпавших на долю Натальи? Нужно обозначить лишь главное, чем для Долгорукой была и осталась ее любовь к мужу. Именно любовь заслонила собой все иные события, именно любовь позволила уместить на 20 страницах рассказ о сорока годах жизни. Такой взгляд на историю и время через призму собственных любовных чувств в известной степени определен и гендером: совсем иначе показал свое время Я.П. Шаховской, в записках которого, созданных в начале 1770-х гг., рассказ о себе становится рассказом о государственном деятеле – полицмейстере при Бироне, обер-прокуроре Св. Синода, генерал-прокураторе и конференц-министре при Елизавете, сенаторе при Екатерине II [11].

Эгоцентричность времени в записках Долгорукой проявляется и в том, что свое прошлое Наталья рассматривает из своего настоящего, устанавливая временную перспективу, связывающую изображаемое с теми, кому адресованы мемуары. В этом нельзя не увидеть развития традиций автобиографизма русской житийной литературы второй половины XVII в., обозначенного Д.С. Лихачевым в “Житии протопопа Аввакума” как “эгоцентризм настоящего” [6, 294].

Однако художественные средства самоизображения черпались мемуаристкой не только в житийной литературе (хотя именно эту повествовательную стратегию многие исследователи традиционно выделяют как определяющую, сохраняя устойчивый стереотип в обозначении жанровой природы записок Н. Долгорукой – [9, 68-69; 7; 3, 206]), но и в романе, который рождается в России именно в 1760-е гг., прежде всего в столь любимой читателем любовно-авантюрной модели. Помимо того, что к моменту создания записок Натальи Долгорукой российский читатель был хорошо знаком с такими иноземными образцами этой модели романа, как “Бова Королевич”, “Петр Златых Ключей”, “Францель Венециан”, “Гистория о английском милорде Гереоне”, в эти годы появилось сразу несколько русских романов, созданных родоначальником жанра в русской литературе Ф.А.Эминым: “Любовный вертоград” (1763 г.), “Горестная любовь маркиза де Толедо” (1764 г.), “Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда” (1763 г.), “Письма Ернеста и Доравры” (1766 г.). Эта романная модель не только предлагала определенную картину мира и человека, но позволяла включить героиню-женщину в пространство современного бытия. Сегодняшний читатель, не столь хорошо знакомый с житийной русской литературой, оказывается чаще свободным от жанрового стереотипа, связавшего записки Долгорукой с агиографией, и хочет видеть в произведении, прежде всего, любовную историю (см., например, иллюстрации Веры Павловой к современному изданию “Своеручных записок” – СПб, 1992).

При этом житийная традиция, оказавшаяся столь созвучной и всему мученическому жизненному пути Долгорукой, и монашескому бытию Натальи в момент написания мемуаров, способствовала проявлению в исповеди для родных того духовного склада, который отличался сочетанием напряженной душевной жизни, самоотречения и молчания. В то же время романная форма в традиционном понимании жанра как истории любви позволяла представить *историю*

своей жизни как романтическую историю любви. Так средства самовыражения актуализировали как бы двойную повествовательную стратегию: с одной стороны, житийную, акцентировавшую духовную подвижническую модель (имидж мученицы-монахини), а с другой – ориентированную на романную модель, помещавшую личную (а для женщины, значит, любовную) историю человека в контекст социально-бытовых и исторических событий, предлагая адресатам “*историю о себе*”. Время, показанное через такую двойную призму, многомерно, хотя и сфокусировано на личности мемуаристки.

Подобный взгляд на свое время и на себя во времени способен поколебать традиционное для западных европейцев восприятие русской религиозности как доминирующей константы национальной культуры, как части европейского мифа о “загадочной русской душе”. “Своеручные записки” монашки Нектарии, в миру Натальи Долгорукой, доказывают, что феномен “духовности”, ставший для европейцев своеобразным маркером русской литературы, не исчерпывается духовностью религиозной. Любовь, ставшая для Долгорукой синонимом *всей жизни*, позволила мемуаристке увидеть за внешними проявлениями своего времени некие вечные истины – как национальные, предопределенные ментальной природой россиян, так и общечеловеческие, доказывая, что “женский” взгляд, уступая “мужскому” в исторической конкретности описания фактов, несомненно, оказывается более глубинным в интуитивном постижении непреходящих истин, дающих ключ к коду эпохи.

Очевидное влияние на записки Долгорукой романной модели повествования красноречиво свидетельствует о том, что беллетризация мемуаров, рождавшихся в русской литературе параллельно с новым для нее жанром романа, происходила в процессе активного взаимодействия автодокументальной и собственно художественной литературы, определяя своеобразие путей развития русской прозы в XVIII веке, открывающем Новое время в русской культуре.

Список использованных источников

1. Бартенев П.И. Памятные записки Н.Б. Долгорукой / П.И. Бартенев // Русский архив. – 1867. – № 1. – С.1–2.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1971. – 412 с.
3. Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 319 с.
4. Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. 1767 / Н.Б. Долгорукая // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. – М.: Современник, 1990. – С. 41– 67.
5. Лежен Ф. Сто лет борьбы с автобиографией / Ф. Лежен // Иностранная литература. – 2004. – № 4. – С. 108–122.
6. Лихачев Д.С. “Перспектива времени” в “Житии” Аввакума // Д.С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – С. 292–298.
7. Мамаева О.В. Феномен женской автобиографической литературы в русской культуре второй половины XVIII – начала XIX века: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Мамаева. – СПб., 2008. – 253 с.
8. Моисеева Г.Н. Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века и их культурно-историческое значение / Г.Н. Моисеева // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. – М.: Современник, 1990. – С. 5–40.
9. Савкина И. Становление женской автодокументальной литературы в России // И. Савкина. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 416 с. – С. 63–95.
10. Савченкова Т.П. Ишим и литература. Век XIX-й. Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты / Т.П. Савченкова. – Ишим: ИГПИ, 2004. – 312 с.
11. Шаховской Я.П. Записки князя Якова Петровича Шаховского / Я.П. Шаховской– СПб., 1872.
12. Шестакова А.Ф. Черты домашней жизни императрицы Анны Иоанновны / Примеч. П.И.Бартенева / А.Ф. Шестакова // Русский архив, 1904. – Кн. 1. – Вып. 3. – С. 523–526.

Summary. The analysis of “Self-made notes” of nun Nektariya (a book by Nataliya Dolgorukaya), enabled the author of the article to make a conclusion to the effect that “women’s” memoir literature, along with the emerging genre of romance, defined the originality of the ways Russian prose developed in the XVIII century.

Key words: women’s memoir literature, auto-document, autobiographical memoirs, biographical literature, discourse, gender.